
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОБМАНА И ЛЖИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТАКТИКИ

В. С. КРАСИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются проблемы криминалистического контекста понятий «обман» и «ложь» в правоохранительной деятельности, их восприятия в сфере криминалистики, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности, решающих задачи выявления, пресечения и расследования преступлений. Изучены основные концепции, формирующие представления о допустимости (недопустимости) обмана и лжи в криминалистической тактике. Предложена точка зрения о перспективности изучения исследуемой проблемы через интеллектуальный аспект взаимодействия субъектов, вовлеченных в уголовно-процессуальные или оперативно-розыскные отношения.

Ключевые слова: обман; ложь; конфликт; судебная конфликтология; взаимодействие в правоохранительной деятельности; интеллектуальный аспект судебной тактики; криминалистический контекст.

Образец цитирования:

Красиков В.С. Криминалистический контекст обмана и лжи: интеллектуальный аспект тактики. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;2:103–109.

For citation:

Krasikau V.S. Forensic context of deception and lies: the intellectual aspect of tactics. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;2:103–109. Russian.

Автор:

Владимир Сергеевич Красиков – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Author:

Uladimir S. Krasikau, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law.
krasikau@mail.ru

FORENSIC CONTEXT OF DECEPTION AND LIES: THE INTELLECTUAL ASPECT OF TACTICS

U. S. KRASIKAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the problems of the criminalistic context of the concepts of deception and lies in law enforcement, their perception in the field of criminalistics, criminal procedure and operational investigative activities, which solve the problems of detecting, suppressing and investigating crimes. The main concepts that form ideas about the permissibility (inadmissibility) of deception and lies in forensic tactics are studied. The point of view on the prospects of studying the problem under study through the intellectual aspect of interaction of subjects involved in criminal procedure or operational search relations is proposed.

Keywords: deception; lies; conflict; forensic conflictology; interaction in law enforcement; intellectual aspect of forensic tactics; forensic context.

Введение

Феномен обмана и лжи как средств социальной коммуникации, проявляющихся в состоянии взаимодействия субъектов, может исследоваться рядом наук, однако для понимания сути этих явлений следует исходить из контекста – той системы внутренних и внешних условий среды, которая влияет на понимание сущности изучаемого явления. В связи с этим обман и ложь в криминалистике должны исследоваться в рамках уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных отношений, регламентированных законодательством.

Уголовно-правовой аспект обмана и лжи как элементов криминалистической характеристики криминального деяния, например мошенничества (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), раскрывается следующим образом: «Обман может принимать активную форму либо выражаться в пассивном поведении. Активный обман – сообщение лицу заведомо ложных сведений, искажающих представление о тех или иных фактах, событиях. Пассивный обман – умолчание об истине, несообщение потерпевшему сведений о фактах или обстоятельствах, знание которых сдержало бы его от распоряжения имуществом»¹.

При вовлечении лица, не достигшего 18 лет, в совершение преступления (ст. 172 УК) «обман может выражаться в сообщении ложных сведений об определенных обстоятельствах, имеющих существенное значение для несовершеннолетнего, или в умолчании о последних, например, в сообщении заведомо ложных сведений об оскорблении несовершеннолетнего... Обман может выражаться и в сокрытии ис-

тинных намерений виновного, целей и мотивов деяния, в которое вовлекается несовершеннолетний»².

Таким образом, ложь может являться средством достижения цели – обмана. В контексте заведомо ложного доноса (ст. 400 УК), заведомо ложного показания (ст. 401 УК) сама ложь безотносительно достижения цели является уголовно наказуемой. В связи с этим обман и ложь изучаются с точки зрения структуры уголовного преступления как цель, способ или элемент способа совершения преступления.

В рамках криминалистической тактики (а она может изучаться в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), осуществления следственных действий, защиты в уголовном процессе и, наконец, противодействия расследованию) обман и ложь следует рассматривать в интеллектуальном аспекте, т. е. через соответствие субъекта «... духовности, уму и умственности»³, логичности, доказательности и оперативности мышления в процессе взаимодействия в области уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных отношений.

Интеллектуальность включает понимание характера отношений в сфере противодействия преступности и преступлениям, принципов правоохранительной деятельности, способов выявления, пресечения и расследования преступлений и их предупреждения, а также этичности поведения должностных лиц государственных органов при выполнении служебных обязанностей.

Интеллектуальный аспект обмана и лжи изучается в рамках тактики следственных действий и проведения ОРМ, где проблема указанного феномена решается, во-первых, путем определения контекста

¹Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. С. 430.

²Там же. С. 352.

³Интеллектуал [Электронный ресурс]. URL: <https://slovaronline.com/browse/74d176d2-97a1-3422-9b6f-a4e91308bf49/> интеллектуальность (дата обращения: 28.09.2020).

взаимодействия специального субъекта (следователь, лицо, производящее дознание, сотрудник оперативного подразделения и судья) с другим специальным субъектом (лицо, причастное к совершению преступления или имеющее о нем информацию), во-вторых – установления пределов недопустимости обмана и лжи во всех видах их проявлений для должностного лица государственного органа.

Объектом исследования в статье являются отношения по поводу обмана и лжи в рамках криминалистической (следственной и оперативно-розыскной) тактики. Предмет исследования – особенности закономерностей интеллектуального взаимодействия субъектов, вовлеченных в правоохранительную деятельность в сфере выявления, пресечения и расследования преступлений.

Основная часть

В целях проводимого исследования необходимо обозначить следующую позицию: социальные отношения, построенные на обмане, существуют реально. Эти общественные отношения могут называться и социальными конструктами, и воображаемыми реальностями, но пока они существуют и поддерживаются силой государства, они являются реальностью, данной в ощущениях. Так, Ю. Н. Харари относительно воображаемых реальностей и социальных конструктов (биржи, религии, государство, деньги, права человека) пишет следующее: «Воображаемая реальность – вовсе не ложь... есть то, во что верят все, и пока эта общая вера сохраняется, выдумка обладает вполне реальной силой» [1, с. 44–45]. Приведенная цитата подтверждает, что обман и ложь во всех их значениях – явления многоаспектные, их философское, этическое, юридическое (криминалистическое), психологическое, социальное понимание имеют одновременно диалектическую схожесть и противоречивость, поскольку, с одной стороны, они являются средством для установления объективной истины, с другой – для воспрепятствования этому. Как полагают Р. Г. Зорин и В. П. Крамаренко, «формы проявления обмана в уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях весьма разнообразны. Наиболее часто его можно наблюдать в виде действия или бездействия; умолчания о фактах; допущения легенды; искусственного создания условий, способствующих осуществлению желаемой деятельности процессуального оппонента; искусственного создания ситуаций неправильного восприятия информации о событиях, фактах, явлениях, направлениях и т. п.»⁴. Как видим, речь идет о способах коммуникации, применяемых оппонентами исходя не только из преследуемых интересов, но и из уровня их интеллектуального развития.

По нашему мнению, основой для осмысления проблемы обмана и лжи в их криминалистическом понимании является следующий тезис: «Обман неизбежен, ибо пустота никогда не станет чем-то

предметным, правда никогда не будет высказана... когда нет ничего кроме обмана, обман становится истиной. Мудрость китайских стратегов и есть не что иное, как способность жить абсолютной подлинностью обмана» [2, с. 20]. В свою очередь, стратеги как особые алгоритмы деятельности по достижению цели «...всего лишь средства. А средства отличает не нравственная “благонадежность” или “неблагонадежность”, а “полезность” или “бесполезность”... Не стратегия сама по себе, а та конкретная цель, которой она служит, подлежит нравственной оценке»⁵.

Таким образом, в объективной реальности, созданной из социальных конструктов, обман и ложь абсолютно подлинны и используются субъектами исходя из их интересов (целей). Проблема заключается в оценке фактов: кто, когда, что сделал, каким способом это было сделано (интеллектуальный аспект), в какой обстановке, условиях и ситуации (контекст) это произошло, каковы цели и последствия (вредные или полезные как в личном, так и в общественном понимании), какие социальные конструкты (право, процедура и этика) были нарушены или соблюдены.

Проблема обмана и лжи в криминалистике решалась с нескольких точек зрения.

Во-первых, это концепция ученых, сторонников процессуального подхода к решению проблемы, которую можно отразить следующим образом: *при осуществлении уголовного процесса допустимы приемы и способы, прямо предусмотренные законодательством либо не противоречащие ему*. Сторонники этой трактовки, например И. Ф. Пантелеев и Н. А. Селиванов⁶; Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская⁷, в своих выводах однозначны. Наиболее последовательно, емко и точно определил эту позицию С. М. Строгович: «Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное “формирование ошибочного представления” у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему

⁴Зорин Р. Г., Крамаренко В. П. Обман в состязательном уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iaaj.net/node/938> (дата обращения: 28.09.2020).

⁵фон Зенген Х. О китайском искусстве жить и выживать [Электронный ресурс]. URL: <https://nrpsy.ru/36-stratagem-zenger.html> (дата обращения: 28.09.2020).

⁶Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М. : Юрид. лит., 1988. С. 331–332.

⁷Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА, 1999. С. 551.

ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это же сделать более сложным способом, таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер» [цит. по: 3, с. 102].

Исследуя проблемы криминалистической теории доказывания, А. В. Дулов и А. С. Рубис тщательно разработали систему тактических процессуальных приемов доказывания [4, с. 237–238], относительно важности психологического содержания процесса доказывания обвиняемому от решения проблемы обмана (лжи) они отмечают только следующее: «Здесь имеет значение и применение различных психологических приемов, и этапность предъявления доказательств (в избранной системе), и тщательная фиксация возражений обвиняемого (применение тактического приема “дать завратиться”) и адвоката, то есть происходит доказывание от противного – сбор доказательств, опровергающих полученные объяснения, и предъявление новой системы доказательств» [4, с. 239]. В этом отношении происходит допущение обмана и лжи со стороны подозреваемого (обвиняемого), но не позволяют подобные явления со стороны представителя правоохранительного органа.

Рассматриваемая концепция решения практических задач правоохранительной деятельности (уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД)) подразумевает, что решение проблемы доказывания, выявления лиц, совершивших преступление, пресечения преступлений и их расследования возможно только на основании соответствующих полномочий, только предусмотренными законом средствами и их комбинациями (операциями). Например, предупреждением об ответственности за лжесвидетельство или за заведомо ложный донос, проведением очных ставок, следственных экспериментов, предъявлением доказательств, проверкой алиби, повторными и тщательными допросами, экспертными исследованиями, комбинированием допросов и очных ставок, предоставлением права опознаваемому выбрать позицию среди статистов и т. д.

Такие отношения представляют собой идеальное состояние управляемой системы, в которой взаимодействуют равные по статусу субъекты (не подчиненные друг другу), один из которых представляет собой образец кристальной чистоты, честности и духовности, другой признает вину и способствует

расследованию преступления. Обстановку и ситуацию взаимодействия в этом случае следует определить как взаимное сотрудничество, когда интересы субъектов совпадают или не противоречат задачам уголовного процесса. Такой интеллектуальный аспект взаимоотношений существует, но он не является преобладающим.

Во-вторых, существуют различные точки зрения ученых, объединенные концепцией о том, что обман и ложь недопустимы, но в рамках тактики (следственной и оперативно-розыскной) возможно применение способов психологического и организационного воздействия, соответствующих критериям нравственности, моральности и этичности. Такой концепции придерживается, например, А. Н. Васильев⁸, который в рамках законности тактического приема подчеркивает точное следование закону и недопустимость несоблюдения требования закона. Однако проблема обмана и лжи переводится в плоскость соответствия тактических приемов этическим нормам.

Такое решение проблемы не внесло ясность в определения и не сделало четкими формулировки о допустимости или недопустимости, нравственности или безнравственности, этичности или неэтичности способа (приема) воздействия в научные исследования. Более того, иногда в этих исследованиях делаются дискуссионные выводы. Например, разработчики проблем следственной этики А. Р. Ратинов и Ю. М. Зархин полагают, что «безусловно недопустимы любое насилие, игра на низменных свойствах и страстях, использование невежества и предрассудков, ложь, обман и т. п.» [цит. по: 3, с. 101]. Одновременно с этим А. Р. Ратинов относительно приемов борьбы, применимых в ходе предварительного расследования, рекомендовал разжигание конфликта между соучастниками преступления и предупреждение об угрозе нежелательных действий [5, с. 193–194].

Криминалист В. П. Бахин указывает, что «к правомерности и допустимости тактических приемов, кроме основополагающих – законность, научность, этичность, – следует отнести: а) отсутствие в сообщаемой информации ложных данных... д) оценку и учет того, каким социальным ценностям отдается предпочтение в случае реализации приема и меры допустимого ограничения прав других лиц» [6, с. 40]. А. М. Ларин, считая недопустимыми ложь и обман в ходе расследования преступлений, допускает возможность следственной хитрости как приема маневрирования информацией [7, с. 49–57]. И такая постановка проблемы дискуссионна сама по себе, так как следственную хитрость, предупреждение об угрозе нежелательных последствий, предпочтение ценностей очень сложно оправдывать категориями морали, нравственности и защищаемой ценности.

⁸Криминалистика : учебник / под ред. А. Н. Васильева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 238.

Впервые комплексно проблему обмана в правоохранительной деятельности решал Р. С. Белкин, который в 2001 г. достаточно категорично и однозначно отмечает, что «условия допустимости обмана весьма узки и достаточно жестки, но принципиально его следует признать допустимым» [3, с. 114]. Однако относительно условий допустимости он заявляет: «Правового решения вопроса о допустимости обмана при расследовании преступлений не существует, поскольку слово “обман” не упоминается среди незаконных средств воздействия, названных в УПК. Попытка прибегнуть к распространенному сейчас в правовом обиходе выражению “разрешено все, что не запрещено законом” не решает вопроса, поскольку в уголовном судопроизводстве следует придерживаться иного правила: “... разрешено все, что разрешено законом или ему не противоречит”. Становится ясным, что вопрос следует перенести из правовой области в нравственную и именно здесь искать его решение» [3, с. 102–103]. Таким образом, по сути концепция допустимости обмана (лжи), хотя его условия в деятельности по расследованию преступлений весьма жестки и узки, «полностью согласовывается» с концепцией его недопустимости. Обман (ложь) из категории безнравственной преобразуется в праве в категорию нравственную, но для этого необходимо найти обоснование.

С точки зрения допустимости обман (ложь) обосновывается выводами Н. П. Хайдукова: «Если в процессуально-тактической ситуации возникло противоречие между отдельными ценностями и сохранить их обе при достижении общественно значимой цели не представляется возможным, то целесообразным и морально оправданным будет такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности, подобно тому, как при крайней необходимости... законным является действие, которым причинен вред меньшему благу в целях предотвращения вреда большему» [цит. по: 3, с. 110–111]. Эта позиция предполагает оценочные суждения о соразмерности причиняемого вреда сохраняемой ценности в условиях крайней необходимости, что само по себе также противоречиво и дискуссионно.

Дальнейшие научные изыскания в контексте допустимости обмана (лжи) обуславливаются попыткой интегрирования новых современных представлений о морали и нравственности в правоохранительную сферу, а также разработкой проблемы в рамках юридической конфликтологии⁹ и криминалистической конфликтологии¹⁰, поскольку «в основе каждого преступления лежит конфликт правонару-

шителя с законом, с интересами людей, общества, государства. Восстановление нарушенного права начинается с раскрытия и расследования преступления, в ходе которых конфликт с законом обретает форму конфликта со следователем – лицом, призванным установить истину» [3, с. 107]. Этот подход к решению научной проблемы также представляется весьма дискуссионным, поскольку для этого требуется разработка криминалистического контекста конфликта.

Суммируя обоснования приемлемости обмана и лжи, необходимо сделать вывод о том, что она оказалась допустимой в результате поиска нового научного знания на стыке наук. Схематически это можно представить следующим образом (концепция конфликтного следствия объединила в конфликтной ситуации следователя и участника уголовного процесса (например, обвиняемого)): следователь становится стороной конфликта – происходит проецирование конфликтной ситуации межличностного общения на уголовно-правовую категорию, крайнюю необходимость – вводится категория обмана в право как нравственная категория (это происходит для защиты охраняемой законом ценности). Такая логика, возможно, не лишена изящества, однако не лишена и дискуссионности. По этому поводу А. М. Ларин, отождествляя конфликты и противоречия, заявляет следующее: «И тем не менее “конфликтологическая” трактовка расследования, сводящая его к конфликту следователя с обвиняемым, неприемлема... Заложенное в фундамент теории “конфликтного следствия” отождествление обвиняемого с преступником служит оправданию неразборчивости в средствах “борьбы”, нарушению нравственных и правовых норм» [8, с. 103–104]. Высказанная позиция, по мнению автора, объективна и не нуждается в дополнительном обосновании.

В-третьих, существует точка зрения криминалиста И. Н. Якимова, согласно которой «закон запрещает только пользоваться при допросе для получения сведений от допрашиваемых способами и средствами, являющимися физическим и психическим насилием над их личностью, но представляет полную свободу применять всякие способы, прямо им не запрещенные» [9, с. 329]. Такая концепция контекста криминалистической тактики логична по своей сути: законно то, что не запрещено законом. В этом отношении криминалистический контекст обмана и лжи в тактике может изучаться исходя из интеллектуального взаимодействия субъектов, вовлеченных в совместную деятельность безотносительно их желания.

⁹Юридическая конфликтология [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/jur-konf/19.htm> (дата обращения: 28.09.2020).

¹⁰Шмонин А. В. Криминалистическая конфликтология: предпосылки формирования и направления развития [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kriminalisticheskaya-konfliktologiya-predposylki-formirovaniya-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 28.09.2020).

По этому поводу в рамках исследования содержания тактического приема (тактической категории) Г. А. Зорин и Р. Г. Зорин указывают: «Некоторая часть тактических приемов, используемых при допросах, в действительности содержит обман, является обманной. В ряде случаев содержание тактического приема, его наполнение, как и сам факт его применения, может нести в себе ложное начало в виде ложных целей, задач, содержания, средств и способов. Распознавание, восприятие такого тактического приема, инициативность, активность в готовности его принять адресатом, в отношении которого он проводится, с полной ответственностью возлагается на субъект воздействия... при условии соблюдения требований, предъявляемых к тактическим приемам (законность, научная, нормативная и фактологическая обоснованность, целесообразность, соответствие нормам морали и этики, не должен соответствовать оговору-самооговору), деятельность обманного характера представляется вполне допустимой и правомерной» [10, с. 17].

Применительно к криминалистике такое понимание взаимодействия субъектов в сфере правоохранительной деятельности может раскрыть контекст допустимости обмана и лжи следующим образом:

- взаимодействие обуславливается правоотношениями, устанавливаемыми оперативно-розыскным, уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, куда вовлекаются субъекты;
- способы решения практических задач и защиты прав участвующих в правоотношениях зависят

от их интеллектуальности и видов межличностного взаимодействия (сотрудничество или соперничество);

- соперничество между представителем правоохранительного органа и подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления – это обычное состояние такого взаимодействия, обусловленное различием интересов субъектов в его результатах;
- в состоянии соперничества субъекты действуют исходя из своих интересов, имея возможности выбирать линию поведения без доверия друг другу;
- тактика оперативно-розыскной и следственной деятельности основывается на научно разработанных способах (приемах) психологического и организационного воздействия, по сути являющихся обманом, который становится абсолютной реальностью наравне с моралью и нравственностью;
- недопустимость обмана и лжи в криминалистическом контексте должна восприниматься через понятие запрещенного способа воздействия (например, шантаж, угроза насилием, насилие, фальсификация доказательства и иные «незаконные действия», как это сформулировано в ч. 1 ст. 394 УК) либо через нарушение служебной (оперативно-розыскной, следственной, судебной) этики;
- конфликт в контексте криминалистики может рассматриваться и как допустимый частный способ решения практической задачи правоохранительной деятельности правомерным способом в конкретной ситуации, и как случай, нарушающий этику служебной деятельности (как низкий уровень интеллектуальности).

Заключение

Таким образом, условия допустимости обмана и лжи в криминалистическом контексте весьма широки и жестко ограничиваются рамками закона и профессиональной этики. Учет интересов субъектов, оценка обстановки и ситуаций интеллектуального взаимодействия (контекст), его закономерностей (в том числе законодательных и этических) при несовпадении интересов субъектов позволяют

решать задачи оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной деятельности в правовом поле. В этом отношении приоритет отдается обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Библиографические ссылки

1. Харари ЮН. *Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2019. 512 с.
2. Малявин ВВ, редактор. *Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха*. Москва: Белые львы; 2000. 192 с.
3. Белкин РС. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики*. Москва: НОРМА; 2001. 240 с.
4. Дулов АВ, Рубис АС. *Основы формирования криминалистической теории доказывания*. Минск: БГУ; 2004. 263 с.
5. Ратинов АР. *Судебная психология для следователей*. Москва: Юрлитинформ; 2001. 352 с.
6. Бахин ВП. *Тактика – профессионализм и мастерство при общении*. Киев: Издательство Семенко Сергея; 2006. 116 с.
7. Ларин АМ. *Расследование по уголовному делу. Планирование, организация*. Москва: Юридическая литература; 1970. 224 с.
8. Ларин АМ. *Криминалистика и паракриминалистика*. Москва: БЕК; 1996. 192 с.
9. Якимов ИН. *Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике*. Москва: ЛексЭст; 2003. 496 с.
10. Зорин ГА, Зорин РГ. *Криминалистический репертуар стратегических и тактических приемов, методов и технологий в состязательном уголовном процессе*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2005. 99 с.

References

1. Harari YuN. *Kratkaya istoriya chelovechestva* [Brief history of mankind]. Moscow: Sindbad; 2019. 512 p. Russian.
2. Malyavin VV, editor. *Tridtsat' shest' stratagem. Kitaiskie sekrety uspekha* [Thirty six stratagems. Chinese secrets of success]. Moscow: Belye l'vy; 2000. 192 p. Russian.
3. Belkin RS. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiiskoi kriminalistiki* [Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminalistics]. Moscow: NORMA; 2001. 240 p. Russian.
4. Dulov AV, Rubis AS. *Osnovy formirovaniya kriminalisticheskoi teorii dokazyvaniya* [Fundamentals of the formation of the forensic theory of proof]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 263 p. Russian.
5. Ratinov AR. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei* [Forensic psychology for investigators]. Moscow: Yurlitinform; 2001. 352 p. Russian.
6. Bakhin VP. *Taktika – professionalizm i masterstvo pri obshchenii* [Tactics is a professionalism and skill in communication]. Kyiv: Izdatel'stvo Semenka Sergeya; 2006. 116 p. Russian.
7. Larin AM. *Rassledovanie po ugovnomu delu. Planirovanie, organizatsiya* [Investigation in a criminal case. Planning, organisation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1970. 224 p. Russian.
8. Larin AM. *Kriminalistika i parakriminalistika* [Criminalistics and paracriminalistics]. Moscow: BEK; 1996. 192 p. Russian.
9. Yakimov IN. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Manual of criminal techniques and tactics]. Moscow: LeksEst; 2003. 496 p. Russian.
10. Zorin GA, Zorin RG. *Kriminalisticheskii repertuar strategicheskikh i takticheskikh priemov, metodov i tekhnologii v sostyazatel'nom ugovnom protsesse* [Criminalistic repertoire of strategic and tactical techniques, methods and technologies in competitive criminal proceedings]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2005. 99 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.09.2020.
Received by editorial board 29.09.2020.